

Харлан Эллисон

Визг побитой собаки



Харлан Эллисон

Визг побитой собаки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156702

Аннотация

Она увидела как во дворе их дома медленно и хладнокровно убили женщину. Ножом. Она была одним из двадцати шести свидетелей этой страшной сцены и, как и все остальные, ничего не сделала, чтобы остановить убийцу.

И она увидела ещё кое-что. В сгущающемся тумане ей привиделись огромные горящие красные глаза и безобразная ухмылка хищного лица.

Это было лицо самого города, нового, кровавого Бога. Бога тумана и уличного насилия. Бога, требующего поклонения, и предлагающего на выбор – смерть в качестве жертвы или жизнь в роли вечного свидетеля гибели других несчастных.

Бог, соответствующий нашему времени. Бог улиц и толпы...

Харлан Эллисон

Визг побитой собаки

Вечером, на следующий день после того, как Бэт запачкала жалюзи на окне своей новой квартиры на Пятьдесят второй Восточной улице, она увидела, как во дворе их дома медленно и хладнокровно ножом убили женщину. Она была одним из двадцати шести свидетелей этой страшной сцены и, как и все остальные, ничего не сделала, чтобы остановить убийцу.

Бэт видела все до мельчайших подробностей, ничто не мешало ей смотреть, не заслоняло чудовищной картины. Когда она, охваченная ужасом и одновременно околдованная кровавым зрелищем, поняла, что не может отойти от окна, ей вдруг пришла в голову безумная мысль – у нее отличное место, все видно просто великолепно: как раз то, к чему стремился Наполеон, задумав строительство театров Комеди Франсез – ложа в конце зала, откуда разом можно следить и за зрителями, и за сценой. Ночь была ясной, светила луна, Бэт только что отвлеклась от фильма, начавшегося в одиннадцать тридцать по второму каналу, после перерыва на рекламу, поскольку сообразила, что уже видела Роберта Тейлора в картине «К западу от женщины» и тогда он ей не понравился; в квартире было совершенно темно.

Бэт подошла к окну, чтобы чуть-чуть приоткрыть его на ночь, и увидела: во двор, спотыкаясь, вошла женщина. Она брела, опираясь о стену и прижимая левую руку к правому плечу. Эд установил во дворе на столбах ртутные лампы – за последние семь месяцев здесь произошло шестнадцать нападений. В холодном пурпурном сиянии, освещавшем двор, кровь, которая стекала по руке женщины, казалась черной и блестящей. Бэт видела все очень четко, словно картинка была тысячекратно увеличена, а потом освещена мощными прожекторами, как в телевизионной рекламе.

Женщина откинула назад голову, точно собиралась закричать, но не издала ни единого звука. Тишину нарушали только гудки машин на Первой авеню – такси охотились за одинокими прохожими, направляющимися в «Сливу Максвелла», «Пятницу» и «Адамово яблоко». Но все это было там, далеко. А здесь, где находилась она, семью этажами ниже, во дворе, казалось, изображение замерло, окутанное невидимым силовым полем.

Бэт, смотревшая во двор из темноты своей квартиры, вдруг поняла, что полностью открыла окно, за которым находился крошечный балкончик; теперь даже стекло не мешало ей наблюдать за происходящим. От двора ее отделяли лишь железная ограда балкона да семь этажей.

Женщина с трудом оторвалась от стены, голова ее была по-прежнему откинута назад. Бэт решила, что ей за тридцать, темные волосы, коротко остриженные и всклокочен-

ные, невозможно понять, красива ли она – ужас исказил черты, а открытый рот напоминал причудливо изогнутую линию. Женщина так и не издала ни единого звука. На шее у нее выступили жилы. Она потеряла одну из туфель и еле держалась на ногах: вот-вот упадет на землю.

Из-за угла здания неожиданно показался мужчина и бежал во двор. Нож, который он держал в руке, был невероятных размеров – а может быть, он только Бэт показался таким: она вспомнила нож с костяной ручкой для разделки рыбы, в руках отца, много лет назад на озере, в штате Мэн. Тот был складным, восемь дюймов зазубренной стали. Нож в руках темнокожего человека, выскочившего во двор, выглядел точно так же.

Женщина увидела мужчину и попыталась бежать, но он в несколько прыжков догнал ее, схватил за волосы и потянул назад, словно хотел перерезать своей жертве горло.

Вот тут-то она и закричала.

Ее голос разорвал тишину двора, умчался ввысь – так стая летучих мышей, попавших в лабиринт, отчаянно мечется в поисках выхода, испуганная многократно отраженным от стен эхом. Женщина кричала... кричала...

Мужчина пытался с ней справиться, а она отбивалась, наносила ему беспорядочные удары локтями, и тогда, стараясь защититься, он, все еще держа несчастную за волосы, резко развернул ее... а страшный, душераздирающий вопль, не смолкая ни на минуту, молил небеса о пощаде. Потом

женщина вырвалась; мужчина остался на месте, зажав в руке клочок ее волос. Она хотела было отскочить, но он одним быстрым движением полоснул ее ножом по груди. Одежда тут же намочила от крови, перепачкав темнокожего; от этого он окончательно обезумел, снова бросился на свою жертву, а она стояла неподвижно, прижав к груди руки, по которым стекала кровь.

Потом она попыталась отбежать, наткнулась на стену, метнулась в сторону, и мужчина налетел на кирпичную стену дома. Женщина же из последних сил шарахнулась от него и, споткнувшись о клумбу, упала, поднялась на колени... и в этот момент он снова на нее набросился. Нож взлетал, описывая в воздухе причудливую, пурпурную дугу. А женщина продолжала кричать.

В нескольких квартирах зажегся свет, в окнах появились люди.

Мужчина по самую рукоять вонзил нож женщине в спину, прямо под правое плечо. Двумя руками.

Бэт видела все короткие, отрывочные мгновения кошмара: мужчина, женщина, нож, кровь, лица тех, кто наблюдал за происходящим из окон своих квартир. А потом всюду погас свет, но зрители не покинули своих мест, продолжая смотреть.

Бэт захотелось крикнуть: «Что вы делаете с этой женщиной?» И вдруг, будто две железные руки, на многие тысячелетия погруженные в сухой лед, сжали горло девушки. Ей

казалось, что нож входит в ее собственное тело.

Каким-то образом – этого просто не могло произойти, и тем не менее... там внизу женщина поднялась и освободилась от ножа. Три шага, она сделала всего три шага и снова упала на клумбу. И вот уже взвыл, словно дикий зверь, мужчина. Нечленораздельные, нечеловеческие звуки вырывались из его груди. Он упал на женщину, нож поднялся и опустился, и снова, снова... наконец движения стали слитными, едиными, было невозможно понять и разделить их на составные части, а вопли несчастной продолжали метаться, как обезумевшие летучие мыши... тише, тише... совсем смолкли.

Бэт пряталась в сумраке своей квартиры, ее трясло, она плакала, страшная, наводящая ужас картина стояла перед глазами. А когда она уже была не в силах смотреть на то, что выделывал мужчина с куском неподвижного мяса, лежащего на земле, Бэт подняла голову на темные окна, где по-прежнему стояли безмолвные зрители – совсем как она, – и вдруг поняла, что видит их лица неестественного сине-пурпурного цвета, освещенные тусклыми ртутными лампами, на всех застыло одно и то же выражение. Женщины прижимаются к мужчинам, кончик языка чуть высунут, влажные губы; у мужчин безумные глаза. Словно они попали на петушинные бои. Тяжелое, прерывистое дыхание. Точно жуткая сцена внизу питает души, даруя новые силы. Выдох, звук – откуда-то из глубины, издалека, из подземных пещер. Влаж-

ная, бледная кожа.

Именно в этот момент Бэт поняла, что двор заволокло дымкой, будто туман с реки добрался до Пятьдесят второй улицы, чтобы накинуть покрывало на сцену во дворе и скрыть то, что делали нож и мужчина... безостановочно... они уже не получали никакого удовольствия... продолжали... снова и снова...

Только вот туман этот показался Бэт каким-то странным: густой и серый, пронизанный мерцающими точками света.

Она смотрела словно завороченная, а туман опускался, медленно заполняя пустое пространство двора. Музыка Баха в соборе, звездная пыль в вакууме.

Бэт увидела глаза.

Там, наверху, на девятом этаже, нет выше – два огромных глаза... они были такой же данностью, как эта ночь и луна, глаза. И – лицо? Было ли то, что видела Бэт, лицом, или она придумала... лицо? В клубящемся, ледяном тумане что-то обитало; что-то, погруженное в собственный мир, терпеливое и исполненное зла, поспешило сюда, чтобы стать свидетелем действия; происходящего на клумбе, где растут цветы. Бэт попыталась отвернуться, но не смогла. Глаза – горящие, бесконечно пустые и одновременно пугающе живые, излучающие любопытство, точно глаза ребенка; глаза, наполненные могильным мраком и холодом, древние и в то же самое время юные, увлекающие в бездонную пропасть, пылающие изуверским пламенем, громадные и мертвые, эти глаза поймали

Бэт, лишили способности мыслить. В театре теней спектакль разыгрывался не только для жителей этого дома, с упоением наблюдавших за происходящим, а еще и для кого-то другого. Не в холодной, безжизненной тундре или на пустынном болоте, не в подземных пещерах или на далекой планете, вращающейся вокруг умирающего солнца, а здесь, в городе, здесь глаза этого другого смотрели в окутанный ночным мраком двор.

Дрожа от напряжения, Бэт все-таки отвела взгляд от обжигающей бездны над девятым этажом и снова увидела то, что привлекло сюда другого, вдруг осознала, насколько чудовищно происходящее, и тогда наконец справилась с оцепенением, сбросила его с себя, перестала быть моллюском, заключенным в тюрьму раковины. Кровь с силой застучала у нее в висках – она просто стояла! Ничего не сделала, ничего! Женщину зверски убили, а она, Бэт, ничего не сказала, ничего не сделала. Какая польза от слез, от того, что тебя трясет? Ты же ничего не сделала!

А потом она услышала что-то похожее на истерический смех, подняла голову и посмотрела на исполинское лицо, заполнившее туман и дымную ночь, и поняла, что это она сама издает отвратительные, безумные, нечеловеческие звуки, а мужчина внизу тоскливо, жалобно скулит, словно побитая собака.

Бэт снова смотрела в это лицо. Она не хотела его видеть никогда. Но ее притягивали горящие, напоминающие тлею-

щие угли глаза, ей почему-то пришло в голову, что они похожи на глаза ребенка, хотя Бэт откуда-то знала, что древнее их, возможно, и нет ничего на свете.

А затем подонок внизу сделал нечто совсем уж омерзительное, у Бэт закружилась голова, и, чтобы не вывалиться на балкон, она ухватилась за подоконник, потом выпрямилась и перевела дух.

Неожиданно Бэт показалось, что ее кто-то разглядывает, и на какое-то короткое мгновение девушку охватил ужас при мысли, что она привлекла внимание того страшного лица, парящего в тумане. Она вцепилась в подоконник, почувствовав, что окружающая реальность становится неясной и расплывчатой, и бросила взгляд на противоположную сторону двора. За ней действительно наблюдали. Очень внимательно. Молодой человек из окна квартиры на седьмом этаже, как раз напротив ее собственной. Он смотрел на нее, не сводя глаз. Он смотрел на нее, не обращая внимания на страшный туман и пылающие, голодные глаза, наслаждающиеся кровавым спектаклем во дворе. Он смотрел.

И тут Бэт почувствовала, что теряет сознание. В самый последний момент ей в голову пришла фантастическая мысль: лицо молодого человека показалось ей ужасно знакомым.

На следующий день пошел дождь. На Пятьдесят второй Восточной улице мгновенно стало скользко, расцвели, разноцветные маслянистые радуги. Дождь смыл всю грязь и унес ее в открытые сточные люки. Люди шли, стараясь спря-

таться от низвергающихся с небес потоков воды под зонтами, они были похожи на большие, черные грибы на ножках. Бэт выбежала за газетами после того, как появились, задали свои вопросы и ушли полицейские.

В газетах подробно и с удовольствием сообщалось, что двадцать шесть жителей дома с отстраненным интересом наблюдали за тем, как тридцатисемилетнюю Леону Чиарелли с 455-й Форт-Вашингтон-авеню, что на Манхэттене, зарезал Бертон Х. Уэллс, сорокалетний безработный электрик, которого застрелили сменившиеся с дежурства полицейские, когда он ворвался в пивную на Пятьдесят пятой улице, весь в крови и с огромным ножом в руках. Позднее властями было установлено, что этот нож и явился орудием убийства.

Бэт вырвало дважды за этот день. Казалось, ее желудок не в состоянии ничего удержать, а отвратительный привкус во рту невозможно перебить. И еще: она никак не могла заставить себя не думать о том, что видела ночью, во дворе своего дома; страшные картины возникали снова и снова, каждое движение убийцы всплывало в памяти с пугающей четкостью. Откинутая голова женщины, беззвучный вопль. Кровь. Глаза в тумане.

Ее тянуло к окну, все время хотелось заглянуть вниз, посмотреть на цветочную клумбу, двор, улицу. Бэт попыталась отгородиться от безрадостного, серого манхэттенского пейзажа, стараясь вспомнить вид из окна своей комнаты в Беннингтоне: маленький дворик, белоснежная, уютная спален-

ка, чудесные старые яблоневые деревья; а из другого окна зеленые, радующие глаз луга Вермонта. Она заставляла себя вспомнить о том, как одно время года сменяло другое. Но ей почему-то виделся бетон и залитые дождем, печальные улицы, темные и блестящие, совсем как кровь, лужи на тротуаре.

Она попробовала поработать: открыла крышку старого секретера, который купила на Лексингтон, и склонилась над хореографическими таблицами мизансцен. Но сегодня они показались ей почти бессмысленным переплетением таинственных иероглифов, а вовсе не ярким ритмическим рисунком, на изучение которого она потратила целых четыре года.

Зазвонил телефон. Секретарша из Театра балета Тейлора интересовалась, когда Бэт освободится. Необходимо попросить разрешения не выходить на работу. Бэт посмотрела на свою дрожащую руку на листах с графическим изображением фигур, придуманных Лабаном. Необходимо попросить разрешения не выходить на работу. Тогда Бэт позвонила Гузмону, руководителю балетной труппы, и сказала, что задержится с таблицами.

– О Господи, барышня, у меня тут в репетиционном зале сидят десять актеров, и они уже начали потеть в своих трико! Как вы думаете, что я должен делать?

Она рассказала ему о ночном происшествии. И вдруг поняла, что, описывая двадцать шесть свидетелей убийства Леоны Чиарелли, газетчики ни на йоту не исказили истины. Паскаль Гузман выслушал ее, а когда заговорил снова, голос

его звучал на несколько октав ниже и слова он стал произносить медленнее. Сказал, что понимает ее состояние и что она может немного задержаться с работой. Однако в нем появилась какая-то отстраненность, он повесил трубку, не дослушав благодарностей Бэт.

Она надела вязаный свитер пунцового цвета и габардиновые брюки в тон, потому что ей просто необходимо было выйти из дома и немного погулять. Зачем? Чтобы подумать. Надевая короткие, на толстой подошве сапожки, Бэт вспомнила о тяжелом серебряном браслете, который видела в витрине магазине Георга Дженсена. В лифте с нее не сводил глаз молодой человек из окна напротив. Бэт почувствовала, что дрожит. Когда он вошел и встал позади нее, она постаралась забиться в самый дальний угол.

Между пятым и четвертым этажами он нажал на кнопку «стоп», и лифт остановился.

Бэт удивленно на него посмотрела, а он как ни в чем не бывало улыбнулся.

– Привет. Меня зовут Глисон, Рэй Глисон, я живу в семьсот четырнадцатой квартире.

Ей хотелось потребовать, чтобы он снова пустил лифт, спросить, по какому праву он выделяет подобные штуки, или объявить о том, что ему следует подумать о возможных последствиях. Она хотела сделать именно это. Но вдруг снова услышала безумный смех, звучавший прошлой ночью, и свой собственный голос, тоненький и неуверенный, совсем

не такой, каким он был раньше:

– Бэт О'Нил, я живу в семьсот первой.

Ведь лифт был остановлен. И ей стало страшно. Но он стоял, прислонившись к стенке, прекрасно одетый молодой человек: блестящие, начищенные ботинки, аккуратно причесанные волосы, может быть, высушенные феном, да и вообще он разговаривал с ней так, словно они сидели за столиком роскошного ресторана.

– Вы только что въехали?

– Около двух месяцев назад.

– А где вы учились? В Беннингтоне?

– Да. Как вы догадались?

Он рассмеялся, очень мило:

– Я работаю редактором в религиозном издательстве; каждый год нам приходится сталкиваться с выпускницами Беннингтона, Сары Лоренс и Смита. Они появляются словно кузнечики, и все до одной готовы сотворить революцию в издательском деле.

– Ну и что в этом плохого? Вы говорите так, будто они вам не нравятся.

– Что вы, я их просто обожаю, они очаровательны. Все эти девушки думают, что умеют писать лучше, чем те авторы, которых мы печатаем. Я недавно познакомился с одной симпатичной крошкой, так вот мы разнесли в пух и прах три ее книги, а она взяла и переписала их заново, все три. Если я не ошибаюсь, сейчас она работает посудомойкой в каком-то

баре.

Бэт промолчала. Если бы это был кто-нибудь другой, она обязательно навесила бы на него ярлык женоненавистника.

Но она вспомнила те страшные глаза. И лицо молодого человека казалось ужасно знакомым. Бэт нравилось с ним разговаривать; да и сам он показался ей весьма симпатичным.

– А какой город ближе всего расположен к Беннингтону?

– Олбани. Около шестидесяти миль.

– Сколько туда ехать?

– Из Беннингтона? Примерно полтора часа.

– Наверное, просто замечательно проехать по дорогам Вермонта, они такие красивые. У вас ввели совместное обучение, насколько мне известно. Ну и как, успешно?

– Не знаю.

– Не знаете?

– А я уже тогда заканчивала.

– И чем вы там занимались?

– Хореографией, специализировалась в записи мизансцен в балете.

– Если я не ошибаюсь, в Беннингтоне принято выбирать курсы. Вам ничего не навязывают, например, можно не изучать естественные науки, если вам не хочется. – И, не меняя тона, он вдруг сменил тему: – То, что произошло вчера, ужасно. Я видел вас в окне. Многие смотрели. Это было действительно ужасно.

Она тупо кивнула, страх вернулся.

– Если я правильно понял, его взяли. Какой-то придурак, никто даже не знает, почему он убил ее и зачем ворвался в бар. Это и вправду было кошмарное зрелище. Мне бы очень хотелось как-нибудь с вами поужинать, если вы свободны.

– С удовольствием.

– Может быть, в среду? Я знаю один симпатичный аргентинский ресторан. Надеюсь, он вам понравится.

– С удовольствием.

– Почему бы вам не нажать на кнопку, чтобы лифт снова поехал, – сказал он и улыбнулся.

Бэт так и сделала, не переставая задавать себе вопрос, зачем остановила лифт.

Во время третьего свидания они поссорились в первый раз.

На вечеринке, которую устраивал директор отдела телевизионной рекламы, живущий на девятом этаже их дома. Он только что закончил серию роликов для «Сезам-стрит» (буквы «П» – Подземный переход, «Т» – Туннель, «л» строчная – лодки, «м» строчная – машины; числа от одного до шести и от одного до двадцати; слова «светлый» и «темный»), поэтому отмечал свое расставание с иссушающей тоской мира рекламы (и семьдесятю пятью тысячами долларов в год, которые приносила эта работа) и переход в милую его сердцу область программирования (который повлек за собой смену социального положения). Бэт никак не могла уловить, чему он радуется, а когда в дальнем углу кухни заговорила с ним

об этом, его доводы показались ей несерьезными. Но он выглядел счастливым, а его подружка, длинноногая бывшая манекенщица из Филадельфии, то подходила к нему, то снова устремлялась к гостям. Она была похожа на изысканное подводное растение – касалась его волос, целовала в шею, шепотом произносила какие-то слова, в которых звучали гордость и скрытая сексуальность. Бэт чувствовала себя как-то странно, хотя обстановка на вечеринке была беззаботной и веселой.

Рэй сидел на ручке дивана в гостиной и соблазнял стюардессу по имени Луанна. Бэт в этом не сомневалась: он напустил на себя деланно равнодушный вид. Когда Рэй не собирался никого соблазнять, он был напряженным во всем, даже в мелочах. Она решила не обращать на него внимания и принялась бродить по квартире, потягивая джин с тоником.

По стенам были развешаны фотографии каких-то абстрактных фигур, вырезанные из календаря, напечатанного в Германии. Все в металлических рамках.

В столовой Бэт заметила огромную дверь, снятую с какого-то разрушенного здания – ее почистили, отполировали и покрыли лаком. Теперь дверь служила обеденным столом.

На стене над кроватью был прикреплен суставчатый кронштейн с вращающимся блестящим шаром на конце.

Бэт стояла в спальне и смотрела из окна на улицу; и вдруг поняла, что это одна из тех комнат, где сначала зажегся свет, а потом погас; одна из комнат, где находился молчаливый

наблюдатель, видевший смерть Леоны Чиарелли.

Вернувшись в гостиную, Бэт огляделась по сторонам. За несколькими исключениями – стюардесса, пара молодоженов со второго этажа, биржевой маклер из Хэмфилла, – все гости этой вечеринки были свидетелями убийства.

– Я хочу уйти, – сказала она Рэю.

– О, неужели вам не весело? – спросила стюардесса, и на ее безукоризненном личике появилась насмешливая улыбка.

– Как все дамы из Беннингтона, – проговорил Рэй, отвечая за Бэт, – она получает самое большое удовольствие от того, что вовсе не получает никакого удовольствия. Это характерная черта людей, слишком серьезно относящихся к своему заднему проходу. Находясь в чужой квартире, она не может чистить пепельницы, поправлять туалетную бумагу, чтобы та не свисала, словно высунутый собачий язык, и, испытывая в связи с этим неприятное ощущение в заднем проходе, она просто не может здесь больше находиться. Ладно, Бэт, давай прощаться и пойдем домой. Прямая Кишка наносит очередной удар.

Она дала ему пощечину, и глаза стюардессы округлились.

А на лице застыла прежняя, насмешливая улыбка.

Рэй схватил Бэт за руку, прежде чем она успела ударить его еще раз.

– А всему виной бобы, крошка, – сказал он, сжимая ее запястье сильнее, чем это было необходимо.

Они пошли к ней и после молчаливого сражения с хло-

паньем дверей и телевизором, включенным на полную мощность, отправились в постель – вот тут-то Рэй и собрался претворить в жизнь свою собственную метафору, вознамерившись овладеть ею сзади. Бэт не сразу поняла, что он делает... Рэй резко толкнул ее на кровать, и девушка вдруг оказалась на четвереньках; тогда она попыталась перевернуться, но Рэй, не говоря ни слова, упрямо добивался своего. Когда же ему стало ясно, что она этого не допустит, он схватил ее снизу за грудь и сжал с такой силой, что Бэт закричала от боли.

А потом, швырнув ее на спину, Рэй сделал дюжину быстрых движений между ног Бэт и кончил прямо ей на живот.

Она закрыла глаза и спрятала лицо в ладонях. Ей хотелось плакать, но слезы почему-то не приходили. Рэй лежал, придавив ее своим телом, и молчал. Она же мечтала только об одном – выбраться из кровати, побежать в ванну, помыться, но Рэй не шевелился до тех пор, пока сперма на их телах не высохла.

– С кем ты встречалась в колледже?

– Я не слишком часто ходила на свидания, – мрачно ответила Бэт.

– И никаких серьезных развлечений с богатыми парнями из Вильямса или Дартмута... может, еще будешь утверждать, что никакой умник из Амхерста не умолял тебя спасти его от ужасов педерастии и позволить засунуть свою морковку в твою маленькую липкую дырочку?

– Прекрати!

– Да ладно, малышка, разве твоя жизнь только и состояла из беленьких носочков и очаровательных заколочек? Неужели ты хочешь, чтобы я поверил, будто ты время от времени не работала своим хорошеньким ротиком? Это ведь всего... сколько... по-моему, пятнадцать миль до Уильямстауна? Не сомневаюсь, что оборотни из Уильямса по выходным, расталкивая друг друга, мчались к твоей симпатичной штучке, стараясь добраться до нее как можно скорее; с дядюшкой Рэем можно и пооткровенничать.

– Почему ты такой?! – Она пошевелилась, чтобы выбраться из-под него, но он схватил ее за плечо и заставил снова лечь. А потом приподнялся над ней и проговорил:

– Я такой, потому что живу в Нью-Йорке, милашка. Потому что живу в этом смердящем городе, день за днем. Потому что вынужден изображать из себя лапочку, когда имею дело со священниками и другими благолепными задницами, которые просто умирают от желания увидеть свои трактаты, исполненные доброты и света, напечатанными издательствами «Священные Книги» и «Окно в Бурю», что на 277-й Парк-авеню, в то время как на самом деле мне больше всего на свете хочется вышвырнуть этих поганых проповедников из окна тридцать седьмого этажа и чтобы они всю дорогу, до самого низа, читали вслух свои глупые стишки. Потому что я прожил в этом злобном, похожем на свирепую собаку городе всю жизнь и безумен как слепень, поняла?

Бэт лежала, тяжело дыша, не в силах пошевелиться, ее вдруг захлестнула волна жалости к этому человеку. Его лицо было напряженным и белым, и Бэт поняла, что он говорит ей все это только потому, что такая сложилась ситуация и не более того.

– А на что ты рассчитывала? – Теперь его голос звучал тише, хотя и не стал менее напряженным. – Ждешь доброты, благородства, понимания и руки в твоей руке, в то время как черный туман жжет глаза? Я не могу этого сделать, потому что у меня ничего такого нет. И ни у кого другого, кто живет на этой помойке, нет ничего подобного. Оглянись по сторонам; как ты думаешь, что здесь происходит? Если взять крыс и посадить их в ящик, а потом подождать, когда их станет слишком много, увидишь, как кое-кто из этих вонючих гаденышей одуреет и начнет пожирать остальных. Здесь точно так же, детка! В психушке под названием Нью-Йорк наступило время крыс. Трудно ожидать, что, засунув такое количество людей в каменный мешок, когда повсюду снуют автобусы, такси и машины, а собаки гадят прямо на улицах, когда днем и ночью не смолкают крики и вой, когда людям не хватает денег и негде жить, даже негде просто сесть и спокойно подумать... трудно ожидать, что на свет не появится какое-нибудь отвратительное, Богом забытое существо! Невозможно ненавидеть всех, кто тебя окружает, отпихивать каждого нищего, черномазого и цветного ублюдка, нельзя позволять таксистам грабить и получать чаевые, ко-

торые они не заслуживают, а потом поливать тебя дерьмом просто так, ни за что, нельзя рассчитывать на то, что твой воротничок всегда будет оставаться белоснежным, когда город почернел от сажи, а твое тело пропитано вонью старых кирпичей и разлагающихся мозгов... нельзя рассчитывать, что какое-нибудь ужасное...

Рэй замолчал.

И неожиданно стал похож на человека, получившего известие о смерти того, кого он любит больше всего на свете. Он неожиданно отпустил ее, лег рядом и не стал продолжать.

Бэт, отчаянно дрожа, пыталась вспомнить, где же она видела это лицо.

Он больше не позвонил, после той вечеринки. А когда они встречались в холле, старательно отворачивался, словно дал ей какой-то неясный шанс, которым она не воспользовалась. Бэт казалось, что она понимает: Рэй Глисон не был ее первым любовником, но до него никто не отвергал ее так бесповоротно. Он первым не только выбросил ее из своей постели и жизни, но и вообще из своего мира. Словно она стала невидимкой, словно даже его презрения была недостойна – ее просто не существовало.

Бэт переключилась на другие проблемы.

Она взялась за три спектакля для Гузмана и новой труппы, созданной на острове Стейтен – весьма неожиданное место. Много работала и получала новые контракты; ей хорошо платили.

Бэт занялась квартирой – ей не нравилось, что она такая холодная, хотелось сделать свой дом уютнее. Гравюры Брейгеля, которые напоминали ей вид на холмы Уильямса, заменили огромные фотографии Мерса Каннингэма и Марты Грэхем. Крошечный балкон за окном, балкон, на который она ни за что не хотела выходить после той ночи, когда произошло убийство и она увидела глаза в тумане... Бэт привела его в порядок, расставила там ящики с землей и посадила герань, петунии, карликовые циннии и другие многолетние растения. А потом отправилась в город, чтобы отдать ему себя и свою исполненную порядка жизнь.

И город ответил на ее попытки завязать с ним дружбу.

Проводив подружку из Беннингтона в международном аэропорту Кеннеди, Бэт зашла в кафе перекусить. Стойка, напоминавшая крепостной ров, окружала остров, украшенный огромными рекламными кубами, установленными на полированных стойках. Они обещали самые разнообразные радости и удовольствия, которые ждали каждого в Городе Развлечений. «Нью-Йорк – это праздник лета», – объявлял один; «Джозеф Папп представляет вам Шекспира в Центральном парке», – предлагал другой; а еще: «Посетите зоопарк в Бронксе» или «Вы полюбите наших строгих, но совершенно очаровательных водителей такси». Еда появлялась из окошка, расположенного в дальнем конце острова, и медленно передвигалась по конвейеру мимо стада орущих официанток, которые время от времени размазывали по стойке

грязь вонючими тряпками. Заведение было таким же милым и уютным, как сталепрокатный завод, и шумели там не меньше. Бэт заказала стакан молока и горячий бутерброд с сыром, который стоил доллар.

Еда оказалась совершенно холодной, сыр не растаял, а мясо больше всего напоминало грязную подметку. Булочка тоже была холодной, и ее явно забыли положить в тостер. Кроме того, Бэт не смогла разыскать под мясом ничего, похожего на листок салата.

Она потратила немало сил на то, чтобы привлечь внимание одной из официанток. Девушка с недовольным видом подошла.

– Пожалуйста, поджарьте булочку и, если можно, принесите мне салат, – попросила Бэт.

– У нас не принято, – ответила официантка, собираясь отойти от Бэт.

– Что у вас не принято?

– Мы тут булки не жарим.

– Ну и что, а я хочу получить поджаренную булочку, – твердо проговорила Бэт.

– А за дополнительный салат надо платить.

– Если бы я просила у вас дополнительный салат, – заявила Бэт, которая уже начала злиться, – я бы за него заплатила, но, поскольку вы мне не принесли никакого салата, я не думаю, что должна за него платить.

– У нас не принято.

Официантка уже отошла в сторону.

– Подождите! – крикнула Бэт, так громко, что посетители кафе, сидевшие на противоположной стороне стойки, подняли головы и уставились на нее. – Вы что же, хотите сказать, что я должна отдать вам доллар с четвертью и при этом даже не получу листок салата и поджаренную булочку?

– Не нравится...

– Заберите это.

– Раз заказали, платите.

– Я сказала, заберите, мне не нужно это дерьмо!

Официантка исправила счет, вычеркнув все, кроме молока, которое стоило двадцать семь центов; у него был вкус, точно оно вот-вот скиснет.

Подойдя к кассиру, Бэт сказала мокрому как мышь человеку, из кармана рубашки которого торчали разноцветные фломастеры:

– Вас интересуют жалобы – это я так, из любопытства, спрашиваю?

– Нет! – рявкнул он.

Он даже не поднял головы, просто швырнул ей семьдесят три цента сдачи, которые покатались по прилавку.

И город ответил на ее попытки завязать с ним дружбу.

Снова пошел дождь. Переходя Вторую авеню, Бэт остановилась, ожидая, когда загорится зеленый свет. Ступила на проезжую часть, но мимо, на красный свет, промчалась машина и окатила ее с головы до ног грязной водой.

– Эй! – крикнула Бэт.

– Иди дерьма поешь, сестренка! – заворачивая за угол, посоветовал ей водитель.

Сапоги, ноги и пальто Бэт – все было забрызгано грязью. Она стояла на тротуаре и дрожала.

И город ответил на ее попытки завязать с ним дружбу.

Бэт вышла из театра, держа в руках чемоданчик со своими бумагами. Пока она надевала на голову капюшон, какой-то хорошо одетый мужчина сзади засунул ручку зонта ей между ног. Она вскрикнула и уронила свой чемоданчик.

И город ответил на ее попытки завязать с ним дружбу.

Бэт уже не так сильно хотела с ним дружить.

Старик пьяница с острыми скулами протянул к ней руку и что-то пробормотал. Она выругалась и пошла дальше, по Бродвею, мимо похожих на улы киотеатров.

Перешла улицу, не обращая ни малейшего внимания на светофор и водителей, которые с отчаянной руганью нажимали на тормоза.

Обнаружив, что сидит за стойкой бара для одиночек и пьет с абсолютно незнакомым мужчиной, который недавно уселся рядом, Бэт почувствовала головокружение и поняла, что ей необходимо как можно скорее оказаться дома.

Но Вермонт был так далеко.

Прошло несколько дней. Бэт вернулась домой из Хореографического центра Линкольна и сразу отправилась спать. Задремала и вдруг услышала какой-то посторонний звук. В

темноте гостиной что-то происходило. Она тихонько выбралась из кровати и подошла к двери, разделявшей комнаты. Бесшумно нащупала выключатель и нажала.

Чернокожий человек в кожаной автомобильной куртке пытался выбраться из ее квартиры. В первое мгновение, когда свет вспыхнул и наполнил комнату, Бэт увидела, что на полу рядом с ним стоит телевизор, а он открывает дверь, что замок и засов взломаны новым, хитроумным способом, который еще не описывался в большой статье журнала «Нью-Йорк», посвященной квартирным кражам; она заметила, что грабитель запутался в телефонном шнуре, Бэт специально попросила, чтобы шнур удлиннили, потому что брала телефон с собой в ванную, боясь пропустить какой-нибудь важный звонок. Она оценила ситуацию сразу, но ее поразило выражение лица грабителя.

В нем было что-то знакомое.

Он почти уже справился с дверью, но теперь снова закрыл ее на засов. Сделал шаг по направлению к Бэт.

И тогда она бросилась обратно, в темную спальню.

И город ответил на ее попытки завязать с ним дружбу.

Она прижалась к стене у изголовья кровати. Попыталась найти в темноте телефон. Грабитель заполнил собой дверной проем и свет, весь свет, падавший из гостиной.

В темноте трудно было сказать определенно, но каким-то образом Бэт догадалась, что он в перчатках и оставит только следы, темно-синие, почти черные, с кровавыми точками

там, где будет перекрыт ток крови.

Грабитель бросился к ней, его руки свободно свисали вдоль тела. Бэт попыталась перелезть через кровать, но он поймал ее сзади и разорвал ночную рубашку. А потом схватил за шею и потащил назад. Она упала с кровати прямо к его ногам, и он ее отпустил. Бэт поползла по полу и только теперь испытала ужас. Сейчас она умрет, ей стало страшно.

Грабитель загнал ее в угол между шкафом и секретером и принялся бить ногами. Один из ударов пришелся в бедро, и Бэт сжалась, подобрала под себя ноги, стараясь стать как можно меньше. Ее трясло.

А потом мужчина схватил ее за волосы обеими руками, поставил на ноги и стал методично бить головой о стену. Очертания окружающего мира начали расплываться, у Бэт закружилась голова. Он снова с силой ударил ее, и она почувствовала, что возле правого уха образовалась здоровенная шишка.

Когда грабитель попытался нанести новый удар. Бэт, уже почти ничего не понимая, вцепилась ногтями ему в лицо. Он взвыл от боли, а она бросилась вперед и обхватила его руками за талию. Он пошатнулся, и в переплетении рук и ног они вывалились на маленький балкон.

Бэт оказалась внизу и почувствовала под собой ящики с цветами. Поднимаясь на ноги, она вцепилась руками в рубашку грабителя под курткой и вырвала клоч. А потом выпрямилась, и они начали молча драться.

Он развернул ее и толкнул на железную ограду балкона. Зрители стояли у своих окон и смотрели.

Сквозь сгущающийся туман Бэт видела, что они наблюдают. Сквозь сгущающийся туман она узнала выражения их лиц. Сквозь сгущающийся туман она слышала, как они дышат в унисон, а их души наполнены ожиданием и предвкушением удовольствия. Сквозь сгущающийся туман...

В этот момент чернокожий грабитель ударил ее в горло.

Бэт задохнулась, начала терять сознание, ей никак не удалось набрать достаточно воздуха в легкие. Он толкал ее все дальше, дальше, и теперь она смотрела наверх, наверх, на девятый этаж и выше, выше...

Там наверху: глаза.

Слова, сказанные Рэем Глисоном в мгновение, наполненное безнадежностью, на которую обрек его город, лишив права выбора, – она вспомнила те слова. Нельзя жить в этом городе, не имея никакой защиты... нельзя жить, словно ты спятившая крыса, и надеяться, что на свет не появится какое-нибудь отвратительное, Богом забытое существо, нельзя рассчитывать, что какое-нибудь ужасное...

Бог! Новый Бог, древний Бог с глазами и упрямством ребенка, больной, кровавый Бог тумана и уличного насилия. Бог, требующий поклонения и предлагающий на выбор смерть в качестве жертвы или жизнь в роли вечного свидетеля гибели других несчастных. Бог, соответствующий нашему времени, Бог улиц и толпы.

Бэт хотела кричать, умолять о помощи Рэя, директора в окне спальни на девятом этаже, пальцы которого были погружены в лоно стоящей рядом с ним длинноногой манекенщицы из Филадельфии – так они поклонялись своему Богу, – позвать на помощь всех остальных: тех, кто присутствовал на той вечеринке, ведь именно тогда Рэй предложил ей присоединиться к их кругу. Бэт не хотела делать выбор.

Но грабитель снова ударил ее по горлу, теперь его руки касались тела Бэт, одна – груди, другая – лица, ее мутило от запаха кожаной куртки. Именно в этот момент она поняла, что Рэй вовсе не был равнодушен к ней, он хотел, чтобы она воспользовалась предложенным шансом; но она пришла сюда из мира маленьких, белых спаленок и радостных пейзажей Вермонта, из ненастоящего мира. Это настоящий мир, и им правит Бог, которого она отвергла, сказала «нет» одному из его священников и почитателей. Спаси меня! Не заставляй меня это делать!

Бэт знала, что должна звать, умолять, попытаться завоевать расположение этого Бога. Я не могу... спаси меня!

Она отбивалась, отчаянно скулила, пытаюсь найти нужные слова. Неожиданно ей удалось перешагнуть черту, и тогда она выкрикнула в наполненный гулким эхом двор то, что не догадалась крикнуть Леона Чиарелли:

– Его! Возьми его! Не меня! Я твоя, я люблю тебя! Я твоя! Возьми его, не меня, пожалуйста, не меня, возьми его, его, я твоя!

В следующее мгновение какая-то сила подняла чернокожего бандита, оторвала от нее, сбросила с балкона прямо вниз, в заполненный туманом двор, а Бэт опустилась на колени, прямо на изуродованные цветы.

Она находилась на грани обморока и не могла быть до конца уверенной в том, что видит: грабитель падал вниз, корчась и переворачиваясь в воздухе, словно сорванный ветром пожелтевший лист.

А потом чудовище наверху стало принимать определенные очертания. Огромные лапы с когтями, которые не могли принадлежать ни одному виденному Бэт животному, протянулись к несчастному, перепуганному насмерть чернокожему грабителю, скулящему, словно побитая собака, и начали рвать его плоть. Через тонкую, но глубокую рану разом хлынула кровь, однако он все еще был жив, дергаясь, точно лягушачья лапа, через которую пропустили электрический ток. Несчастный продолжал извиваться, пока страшное чудовище раздирало в клочья его тело. Куски плоти, костей, половина лица с продолжающим отчаянно моргать глазом пролетели мимо Бэт и упали на асфальт с глухим чавкающим звуком. А он все еще был жив, в то время как его внутренности, мышцы, рвота, дерьмо и кожа медленно падали вниз. Это продолжалось и продолжалось, как смерть Леоны Чиарелли, и Бэт наконец обрела кровавое понимание того, почему другие, стараясь выжить любой ценой, наблюдали за гибелью Леоны Чиарелли – вовсе не потому, что их парализо-

вал ужас или вид крови не вызывал никаких эмоций из-за бесконечных телевизионных смертей: просто никто не желал вмешиваться.

Все они по требованию города становились участниками черной мессы; не единожды, а тысячи раз в день в этом безумном скопище стали и бетона.

Бэт поднялась на ноги и стояла полуобнаженная, в разорванной рубашке, вцепившись руками в железные перила балкона, моля о том, чтобы увидеть больше, полнее утолить жажду.

Теперь она стала одной из них – а куски ночного жертвоприношения все еще падали на землю, корчась и кровотока.

Завтра снова придет полиция, ее будут допрашивать, и она скажет, что это было ужасно: мерзкий, злобный грабитель, она сопротивлялась, боялась, что он изнасилует ее и убьет, а потом он упал, а она понятия не имеет, почему он так чудовищно изуродован, но ведь свалился он с седьмого этажа...

Завтра Бэт без всякого страха сможет ходить по улицам, потому что ей больше ничто не угрожает. Завтра она снимет со своей двери засов. Теперь город не причинит ей зла, потому что она сделала единственно возможный выбор. Она стала обительницей этого города, его частью, плотью и кровью.

Бог принял ее в свои объятия.

Бэт ощутила у себя за спиной присутствие Рэя, он стоял,

обнимающая и защищая ее, его рука лежала на обнаженных плечах девушки, которая наблюдала за тем, как клубящийся туман наполняет двор, город, глаза, душу и сердце. Когда обнаженное тело Рэя прижалось к ее телу, она глубоко вдохнула ночь, зная, что в будущем ей предстоит слышать не визг побитой собаки, а голоса могучих, всепобеждающих хищников.

Наконец-то она перестала бояться, и это так здорово, так здорово перестать бояться.

«Когда внутренняя жизнь пересыхает, когда чувства слабеют и усиливается апатия, когда человек не может сопереживать или даже просто искренне прикоснуться к другому человеческому существу, вспыхивает насилие – дьявольская необходимость, жажда контакта, безумное желание навязать свою волю самым жестким, прямым путем».